

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУСАЛОЧЬЕГО СЮЖЕТА В РУССКОЙ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Шапенкова М. В.

научный руководитель д-р филол. наук Янушкевич А. С.

Томский государственный университет

Изучение истории русской литературы 1800-1830-х гг. позволяет выявить в художественных текстах большое количество образов, взятых из фольклора и мифологии. Обращение авторов к народной культуре, ее интерпретация и воплощение в различных родовых формах привело к созданию особой оригинальной картины мира. В данном контексте выделяется русалочий сюжет, поскольку он конструирует особую художественную действительность и репрезентативен для всех родов литературы в разнообразных жанровых проявлениях. В качестве объекта исследования, таким образом, были взяты эпические, лирические и драматические произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, О. М. Сомова и Н. С. Краснополяского.

Образ водяной девы не был изобретением русской литературы. Европейская словесная традиция первоначально выстроила русалочий сюжет под влиянием эстетико-философских основ формирующегося в то время романтизма. Демонизм, двоемирие, природный и этический аспекты, раскрывшиеся в образе русалки, стали попыткой трансцендентного освоения внутреннего человека. При этих концептуально значимых векторах русская литература выработала свои ментальные модели сюжета водяной девы, отражающие национальный мирообраз.

Во-первых, особенностью русских произведений первой трети XIX века с русалочьим сюжетом является попытка очеловечить мифологический персонаж. Демонические корни образа остаются важными, но постепенно они уходят на второй план. Антропоморфизация достигается авторами произведений при помощи нескольких способов.

В качестве первого способа стоит выделить построение системы персонажей: во всех произведениях мифологема водяной девы не существует в замкнутой системе других демонических героев, она постоянно находится на одном уровне с человеком. Примечательно, что в зависимости от рода литературы в этом плане выстраивается особая зависимость: так в лирике (одноименные стихотворения М. Ю. Лермонтова и А. С. Пушкина «Русалка») наблюдается тенденция к бинарности, то есть действуют два образа- образ человека и образ русалки. Можно говорить о том, что автор ставит знак равенства между лирическим героем и демоническим персонажем. В драматических произведениях (Н. С. Краснополяский «Днепровская русалка», А. С. Пушкин «Русалка») и эпических (Н. В. Гоголь «Майская ночь, или Утопленница» и О. М. Сомов «Русалка») мифологема русалки становится единичной, а число образов людей возрастает. В данном плане образ водяной девы трактуется как особый психический тип человека.

Из этой тенденции вытекает второй способ очеловечивания демонического персонажа, а именно- надделение его сложным психологическим комплексом. Особенно ярко это проявилось в гоголевской повести: при исследовании образа панночки встает проблема- а является она вообще русалкой или нет? Утвердительный ответ на данный вопрос мы даем лишь по косвенным признакам, по своим же нравственно-этическим установкам в ней доминирует то, что не характерно для водяных дев. Панночка не

наделена чувством любви к мужчине, она жаждет справедливости, а также способна сделать благодарность за оказанную ей помощь.

Мифологический персонаж приобретает ярко выраженные человеческие черты и при помощи четкого калокагатийного аспекта. Калокагатия как гармоничное соединение физических и нравственных достоинств позволяет авторам первой трети XIX века выстроить некую модель идеального человека. Если в фольклорных представлениях далеко не на всех территориях русалки обладали красивой внешностью, то в литературных произведениях изучаемого периода писателям и поэтам удается создать облик красивых водяных дев при помощи таких прилагательных, как «прелестная, прекрасная» (в лирических произведениях), при помощи более детальных описаний.

Нравственная составляющая образа русалок актуализируется благодаря их связи с образом ребенка. Здесь наблюдается особая тенденция в зависимости от того или иного рода литературы: в лирике героиня выступает в качестве материнского, первичного начала, которое вбирает в себя окружающую жизнь. В стихотворении М. Ю. Лермонтова данная особенность реализуется при помощи кольцевой композиции: повествование о рыцаре входит в песнь русалки, обрамленную авторской речью.

Драматургические произведения Н. С. Краснопольского и А. С. Пушкина раскрывают материнское начало при помощи образа ребенка. Характерным стоит обозначить тот факт, что дети рождаются у героинь после их перехода в другое состояние (что может свидетельствовать о невозможности новой жизни в этом мире), а также то, что они принимают активное участие в развитии сюжета. Например, «Днепровской русалке» активную роль играет дочь Лесты, Лида. В прозаических текстах О. М. Сомова и Н. В. Гоголя ситуация материнской сущности тоже приобретает специфические черты: архетипическим символом ребенка становятся сами образы русалок: в «Русалке» Горпинка идет наперекор предупреждениям своей матери Фенны, и поэтому все оборачивается драмой. В «Майской ночи» данные смысловые установки особо осложнены тем, что мать панночки давно умерла, а отношения с мачехой повлекли за собой самоубийство.

Во-вторых, национальная специфика русалочьего сюжета проявилась и на гендерном уровне. Образ женщины - русалки в произведениях 1800-1830-х гг. становится неким актом феминистической литературы: поэтов и писателей интересует сильный женский характер. Если обобщить все черты мифологем водяных дев в анализируемых произведениях, то наиболее устойчивыми стоит назвать такие, как непредсказуемость и жертвенность, причем в их взаимосвязи. В исследуемых драмах Пушкина и Краснопольского, повестях Сомова и Гоголя поведение из-за неразделенной любви заканчивается непредсказуемым актом самоубийства. Категория неожиданности в поведении также вносит особые коллизии в событийные ряды.

Жертвенность как одна из ключевых характеристик образов русалок связана с этическим аспектом: в развертываемых сюжетах водяные девы приносят свои жизни на алтарь любовного чувства. Данная категория в ряде произведений («Русалке» А. С. Пушкина и «Днепровской русалке» Н. С. Краснопольского) получает усложненное двойное звучание, поскольку в жертву приносятся и дети, которые еще не родились. Таким образом, русалочий сюжет в русской литературе первой трети XIX века организует сложный женский образный комплекс, который органично встраивается в зарождающуюся идею вечной женственности.

В-третьих, принципиальное своеобразие реализации мифологемы водяной девы в русском контексте заключается в религиозном содержании. В европейской романтической традиции этот вопрос не стоит, поскольку рассматриваемый образ четко относится к сфере демонического. Особенность ментального содержания образа русалки, заключающаяся в сложном переплетении идеологии язычества и христианства, проецируется на сюжет водной девы в словесности. В самой мифологической основе данного образа уже наблюдается тенденция глубинного синтеза этих двух социокультурных векторов. Репрезентативный смысл в этом отношении приобретает стихотворная повесть В. А. Жуковского «Ундина». Анализируемые литературные произведения показывают, что бунтующее природное начало, проявляющееся при помощи концепции четырех стихий, уравнивается православным приятием своей судьбы. Стоит отметить также, что религиозные мотивы молитвы, покаяния и чуда в данном контексте исходят, как правило, от персонажей - людей, которые родственно близки русалкам: например, в «Русалке» О. М. Сомова мать Горпинки не раз обращается за советом к монахам, а в конце своей жизни и вовсе уходит в монастырь на служение Богу.

Данный аспект национального своеобразия особенно интересно проявился в стихотворении А. С. Пушкина «Русалка», которое было написано в 1819 г. Герой, Монах, как непосредственный носитель христианских догматов, был соблазнен демонической водяной девой и лишился своей жизни. Религия и язычество здесь - две полярные формы жизненного поведения: аскетизм и буйство многогранных проявлений.

Четвертой характеристикой национального своеобразия русалочьего сюжета в русской литературе 1800-1830-х гг. является понятие двойственности, которое объединяет и включает в себя все выше выделенные аспекты. Начиная с положения изучаемой мифологемы в пространстве (между водной и земной стихиями) и заканчивая нравственными установками сюжетных коллизий (любовь и ненависть), образ водяной девы и событийный ряд содержат в себе абсолютно противоположные и в то же время принципиально близкие аспекты. Двойственность для русалочьего сюжета является той точкой, в которой зарождается категория фантастического. Наиболее яркими и выразительными проявлениями нереально-сказочного являются: ойнерическое пространство, где сон приравнивается бодрствующей жизни («Русалка» М. Ю. Лермонтова, «Майская ночь» Н. В. Гоголя), а также феномен двойничества в системе персонажей («Днепровская русалка» Н. С. Краснопольского).

Русалочий сюжет в русской литературе первой трети XIX века, таким образом, стал именно тем отражением и транслятором ментальных установок, которые принципиально значимы для характеристики русского национального мирообраза. Это и стало причиной того, что к образу водяной девы в своих произведениях обращались многие писатели, поэты и драматурги.